

наибольше чуткіе, нравственные (большею частью, они же и наибольше образованные) избѣгаютъ этихъ положеній и предпочитаютъ имъ болѣе скромныя, но независимыя отъ насилія положенія.

Лучшіе молодые люди въ томъ возрастѣ, когда они еще не испорчены жизнью и избираютъ карьеру, предпочитаютъ дѣятельность врачей, технологовъ, учителей, художниковъ, писателей, даже просто земледѣльцевъ, живущихъ своимъ трудомъ, положеніямъ судейскимъ, административнымъ, духовнымъ и военнымъ, оплачиваемымъ правительствомъ, или положенію людей, живущихъ своими доходами.

Большинство памятниковъ, воздвигаемыхъ теперь, воздвигается уже не государственнымъ дѣятелемъ, не генераламъ и уже никакъ не богачамъ, а ученымъ, художникамъ, изобрѣтателямъ, людямъ, не имѣвшимъ не только ничего общаго ни съ правительствами, ни съ властью, но очень часто борющимся съ нею. Воспѣваются въ поэзіи, изображаются пластическимъ искусствомъ, почитаются торжественными юбилеями не столько государственные люди и богачи, сколько ученые, художники. . . .

Лучшіе люди нашего времени стремятся въ эти наибольше чтимыя положенія, и потому кругъ, изъ котораго отбираются люди правительственные и богатые, становится все меньше и низменнѣе, такъ что по уму, образованію и въ особенности по нравственнымъ качествамъ уже теперь люди, стоящіе во главѣ управленія, и богачи, не составляютъ, какъ это было въ старину, цвѣта общества, а напротивъ, стоятъ ниже средняго уровня.

Какъ въ Россіи и Турціи, такъ въ Америкѣ и Франціи, сколько правительства не переменяютъ своихъ чиновниковъ, большинство ихъ люди корыстные и продажныя, стоящіе на такой низкой степени нравственности, что они не удовлетворяютъ даже и тѣмъ низкимъ требованіямъ простой неподкупности, которыя предъявляются къ нимъ правительствами. Часто можно слышать теперь наивныя сѣгованія правительственныхъ людей о томъ, что лучшіе люди по какой то странной, какъ имъ кажется, случайности всегда входятся во враждебномъ имъ лагерѣ. Въ родѣ того, какъ если бы люди сѣговали, что по какой то странной случайности въ палаты попадаютъ все люди неуточенные и не особенно добрые.

Большинство богатыхъ людей точно такъ же въ наше время составляетъ уже не изъ самыхъ утонченныхъ и образованныхъ людей общества, какъ это было прежде, а или изъ грубыхъ собирателей богатствъ, занятыхъ только обогащеніемъ себя, большею частью, нечестными средствами, или изъ вырождающихся наследниковъ этихъ собирателей, не только не играющихъ выдающейся роли въ обще-

ствѣ, но подвергающихся въ большинствѣ случаевъ всеобщему презрѣнію.

Но мало того, что кругъ людей, изъ котораго отбираются слуги правительства и богатые люди, становится все меньше и меньше, и низменнѣе и низменнѣе, сами люди эти уже не приписываютъ тѣмъ положеніямъ, которыя они занимаютъ, прежняго значенія и часто, стыдясь ихъ и въ ущербъ тому дѣлу, которому они служатъ, не исполняютъ того, что они по своему положенію призваны дѣлать. Короли и императоры почти ничѣмъ уже не управляютъ, никогда почти сами не рѣшаютъ совершать внутреннія измѣненія и вступать въ новыя внѣшнія политическія условія, а большею частью предоставляютъ рѣшеніе этихъ вопросовъ государственнымъ учрежденіямъ или общественному мнѣнію. Всѣ обязанности ихъ сводятся къ тому, чтобы быть представителями государственнаго единства и могущества. Но и эту обязанность они исполняютъ все хуже и хуже. Большинство ихъ не только не держится въ прежнемъ недосыгаемомъ величіи, а напротивъ, все болѣе и болѣе демократизируется, даже энканальруется, сбрасывая съ себя послѣдній внѣшній прстѣжъ, т. е. нарушая то самое, что они призваны поддерживать. То же происходитъ и съ военными. Военные люди высшихъ чиновъ вмѣсто того, чтобы поощрять грубость и жестокость воиновъ, необходимыя для ихъ дѣла, сами распространяютъ между военнымъ сословіемъ образованіе, проповѣдуютъ гуманность и часто сами даже раздѣляютъ социалистическія убѣжденія массъ и отрицаютъ войну. Въ послѣднихъ заговорахъ противъ русскаго правительства много изъ замѣшанныхъ были военные. И такихъ военныхъ заговорщиковъ становится все больше и больше. И очень часто случается, какъ это было на дняхъ, что призванные для усмиренія жителей военные отказываются стрѣлять по нимъ. Военное молодецтво прямо осуждается самими военными и часто служитъ предметомъ насмѣшекъ. То же съ судьями и прокурорами: судьи, обязанные судить и приговаривать преступниковъ, ведутъ засѣданія такъ, чтобы оправдывать ихъ, такъ что правительство русское, для осужденія тѣхъ лицъ, которыхъ ему нужно осудить, уже никогда не подвергаетъ ихъ обыкновеннымъ судамъ, а передаетъ такъ называемому военному суду, представляющему только подобіе суда. То же и съ прокурорами, которые часто отказываются отъ обвиненій и даже вмѣсто обвиненій, обходя законъ, защищаютъ тѣхъ, кого они должны обвинять. Ученые корысты, обязанные оправдывать насиліе власти, все болѣе и болѣе отрицаютъ право наказанія и вводятъ на мѣсто его теоріи невмѣяемости и даже не исправленія, а лѣченія тѣхъ, которыхъ называютъ преступниками.